

Тематические сообщения Thematic reports

DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_01_02

Полева Н.С., Аянян А.Н.

Транзитивность как фактор прекаризации повседневности

Poleva N.S., Ayanyan A.N.

Transitivity as a factor in the precarization of everyday life

Психологический институт РАО, Москва, Россия

Представлены результаты теоретического и эмпирического исследования прекарности и прекаризации. Анализируются разные дискурсы и основные подходы к интерпретации терминов «прекарность», «прекаризация». Прекарность рассматривается не только в контексте трудовых и социально-экономических отношений, но и в расширенном экзистенциальном смысле как личное переживание/состояние неопределенности, непредсказуемости, неуверенности в завтрашнем дне. Повседневная жизнь современного человека в транзитивном мире сопряжена не только с социальной и экономической нестабильностью, физической и психической уязвимостью, но и коллективными и индивидуальными переживаниями прекарности как хронической генерализованной тревожности. Приводятся результаты эмпирического исследования прекарности студентов, в котором была предпринята попытка определения основных факторов прекаризации в сфере социально-трудовых отношений и разных областях повседневной жизни студентов. Для эмпирического исследования прекарности студентов были разработаны специальные авторские методики, направленные на выявление особенностей разнообразных аспектов имеющегося опыта работы, особенностей профессиональной идентификации, притязаний в сфере профессиональной реализации и удовлетворенности/неудовлетворенности студентов различными сторонами жизни. Молодежь и студенчество традиционно рассматриваются исследователями как потенциально прекаризированная социальная группа и группа риска по прекарности. Результаты исследования выявили преобладание таких факторов прекаризации студентов в области социально-трудовых отношений, как несоответствие работы получаемому образованию, невозможность влиять на важные решения в своей организации,

отсутствие трудового договора с работодателем. Полученные по нашей выборке данные позволяют говорить о представленности и значимости профессиональной принадлежности в структуре социокультурной идентичности студентов. В ранжировании степени удовлетворенности различными сферами повседневной жизни у студентов высший ранг занимает культура. Обеспокоенность и переживания прекарности вызывает у студентов экологическая сфера. Показано, что индивидуальные переживания прекарности лежат в основе индивидуализации повседневности – конструирования повседневности как индивидуального стиля жизни, а также формирования субъектности как авторства индивидуальных стратегий жизнестроительства и жизнетворчества.

Ключевые слова: прекарность, прекарнизация, студенты, молодежь, повседневность, транзитивность

Для цитирования: Полева Н.С., Аянян А.Н. Транзитивность как фактор прекарнизации повседневности // Новые психологические исследования. 2021. № 1. С. 29–53. DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_01_02

Термины «прекариат» и производные от него «прекарнизация», «прекаритет», «прекарность» получили широкое распространение в современных гуманитарных науках. Изначально этот термин использовался социологами и экономистами в исследованиях особенностей рынка труда и трудовых отношений, а также процессов стратификации общества в эпоху глобализации экономики. Слово «прекариат» образовано от слияния двух слов – *precarious* – нестабильный, неустойчивый; и *proletariat* – пролетариат. Первыми исследователями этой проблемы были Уильрих Бек (Ulrich Beck) и французские социологи Пьер Бурдьё (Bourdieu P) и Робер Кастель (Robert Castel) (Бек, 2000, 2001; Кастель, 2009; Bourdieu, 2003). Широкое распространение термина «прекариат» и его производных связано с выходом в 2011 году монографии Гая Стэндинга (Guy Standing) «The Precariat: The New Dangerous Class» (Стэндинг, 2014).

Но особый интерес к феномену прекарности для гуманитарных наук связан не с его экономической составляющей, а с психологической и онтологической коннотациями, которыми он наделяется при переходе из области социально-экономических и трудовых отношений в другие сферы повседневной жизни человека.

Основные подходы к интерпретации термина «прекарность»

Прекариат – новая социальная группа, или страта, которая включает в себя людей разного социального и финансового статуса, не имеющих стабильной занятости и постоянного дохода, ограниченных в правах и социальных гарантиях. Появление прекариата является

следствием глобализации экономики, развития неолиберализма и флексибельности/гибкости рынка труда. Прекаризация труда предполагает переход от стабильных гарантированных трудовых отношений и формальной занятости к неформальным, неустойчивым формам занятости. Такой переход сопровождается частичной или полной утратой работником его социально-трудовых прав (гарантированной заработной платы, регламентированной длительности рабочего дня, оплачиваемого отпуска и больничного листа и т.д.) (Фёдорова, Парсюкевич, 2013). Переход к флексибельному/гибкому типу трудовых отношений становится главной и непосредственной причиной формирования и увеличения численности прекариата. Колебания рынка труда, прекаризация социально-трудовых отношений требуют ответной гибкости/флексибельности работников, что дает возможность рассматривать появление прекариата и как адаптационную стратегию поведения трудоспособного населения на рынке труда в новых экономических условиях. Все виды и новые формы трудовой занятости больше не гарантируют ее неизменности, постоянных доходов, перспективы профессионального и личностного развития. Привычная ситуация, когда человек работает всю свою жизнь по приобретенной в юности профессии до выхода на пенсию, уходит в прошлое. Стабильность и определенность трудовых отношений сменяется текучестью и вариативностью различных форм занятости индивидуализированного общества, индивидуализацией траекторий и стратегий поведения человека на рынке труда. При этом все риски и ответственность перекладываются на работника. Человек в большей степени становится зависимым от самого себя, от выбора индивидуальной трудовой траектории со всеми ее шансами, рисками и противоречиями. Такая гибкая, непостоянная система трудовой занятости постепенно вытесняет пятидневную рабочую неделю и восьмичасовой рабочий день, превращается в новую социальную норму (Бауман, 2005; Бек 2000; Гусельцев, 2020; Харченко, 2013а, 2013б).

Как следствие и результат прекаризации возникает прекарность – состояние нестабильности, неопределенности и непредсказуемости условий жизни прекариата, приводящее его к финансовому и психологическому неблагополучию и уязвимости. Прекариатизироваться – значит подвергаться воздействию или приобретать такой жизненный опыт, который приводит к прекариатизированному существованию, когда человек живет спиюминутным, не имеет четкой самоидентификации по профессиональному признаку или ощущения, что при его работе и образе жизни он может добиться большего (Стэндинг 2014, с. 36). Субъективно такое состояние сопровождается переживаниями (индивидуальными и коллективными), которые характеризуются эмоцио-

нальной нестабильностью, тревожностью, чувством неуверенности в будущем и сужением горизонта планирования (Голенкова, Голиусова, 2013).

Таким образом, понятие прекаризация используется не только как определение, отражающее особенности социально – трудовых отношений, процесс их развития и распространения, но и как характеристика эмоционального состояния человека, вызванного нестабильностью и неопределенностью в сфере социально – трудовых отношений. В этом смысле понятие прекарности как переживания нестабильности и неуверенности в завтрашнем дне, связанного с временной занятостью, можно рассматривать как синоним прекаризации.

Предположительная (в связи с отсутствием официальной статистики) численность прекариата в разных странах мира достигает от 20 до 40–60% численности трудового населения. К представителям прекариата относят фрилансеров, самозанятых, работников, имеющих временную или неполную занятость, людей пожилого возраста, студентов, стажеров, мигрантов, безработных, молодых матерей, тех, кто работает неофициально, без договора, совместителей и т.д. Молодежь, в том числе и студенчество, составляет значительную часть прекариата современной России и традиционно рассматривается исследователями как группа риска по прекарности. Так Стэндинг выделял молодежь как потенциально прекаризованную социальную группу (Стэндинг, 2014).

Новые коннотации понятие «прекарность» получает в работах американского философа Джудит Батлер. Для Дж. Батлер прекарность – это онтологическая и экзистенциальная категория (Батлер, 2018; Butler, 2004). В таком расширенном экзистенциальном смысле прекарность подразумевает переживание/состояние неопределенности, непредсказуемости, неуверенности в завтрашнем дне, зависимость от условий и обстоятельств, на которые человек не в состоянии повлиять. Прекарность, понимаемая как ранимость и хрупкость человеческого существования, ее телесная, психическая и экономическая уязвимость, становится неотъемлемой характеристикой повседневной жизни современного человека, а коллективные переживания прекарности как хронической генерализованной тревожности составляют ее постоянный фон (Хорошилов, 2018; Хорошилов, Ильжер, 2019). Непредсказуемость, хрупкость и уязвимость человеческого существования, когда человек лишен возможности прогнозировать свое даже ближайшее будущее (будет ли у него работа через месяц, доживет ли он вообще до завтрашнего дня и т.д.), связаны с ситуациями, от которых никто не застрахован и которые невозможно предугадать. Как отмечает Дж. Батлер, каждый из нас оказывается под прицелом нестабильности. Широкий спектр рисков

и угроз располагается в диапазоне от банальной возможности стать жертвой неизлечимой болезни, упавшего кирпичца, несчастного случая или ДТП до глобальных рисков и угроз – таких, как терроризм, экологические и техногенные катастрофы и т.д. Все это составляет индивидуальные и коллективные переживания прекарности, связанной с экзистенциальной сферой человека. Таким образом, пандемия коронавируса, локдаун, введение режима самонезависимости и мировой экономической кризис вызвали острые переживания прекарности, охватившие миллионы людей в разных странах на всех континентах.

Можно упомянуть еще один термин, созвучный понятиям транзитивности и прекарности, – «радикальная неопределенность» («черный лебедь»), который был введен в 1937 году одним из отцов макроэкономики американцем Джоном Кейнсом (1883 – 1946) (John Maynard Keynes) (Кейнс, 1998). Этот термин определяет ситуации и события, вероятность которых в принципе невозможно подсчитать научными методами из-за недостатка данных. Последователь Кейнса, неокейнсианец, лауреат Нобелевской премии по экономике Дуглас Норт (North D.) (Норт, 2010) дополняет теорию своего соотечественника введением различных уровней и типов неопределенности. Согласно Нортону, первый уровень – неопределенность, которую можно сократить за счет увеличения количества информации в рамках существующего объема знаний; второй уровень – неопределенность, которую можно сократить за счет увеличения объема знаний, но в рамках существующего институционального устройства; третий уровень – неопределенность, которая может быть уменьшена только за счет институциональных изменений; четвертый уровень – неопределенность, характерная для новых ситуаций, которые ранее никогда не встречались (сюда можно отнести пандемию коронавируса SARS-CoV-2). К пятому уровню относится неопределенность, которая является основой для «иррациональных» убеждений (Норт, 2010, с. 32–33). При этом, хотя процесс развития институтов продолжается постоянно, «остаток, который ведет к иррациональным убеждениям, играет в современном мире не менее важную роль, чем прежде» (Норт, 2010, с. 35; Розмаинский, 2016).

Прекарность – это не только переживание неопределенности, непредсказуемости, неуверенности в завтрашнем дне, не только ранимость, уязвимость и хрупкость человеческого существования. Это лишь одна из сторон дискурса, которая ставит человека в зависимое состояние от процессов природной и социокультурной среды, на что он не может повлиять и не в состоянии изменить. В таком контексте человек выступает как объект негативного влияния флексibility, когда гибкость/текучесть из ресурса, обеспечивающего успешность адаптации и личностного развития, трансформируется в угрозу нарушения целостности идентичности и «коррозии характера». Здесь

прекарность ассоциируется с набором негативных характеристик, и ими наделяется прекариат – подчинение всех сфер жизни работе; ограничение, краткосрочность и поверхностный характер социальных связей, атомизация личности; нарушение целостности идентичности и самоидентификации, гетерохронность индивидуального хронотопа; статусный диссонанс; переживание страха, тревоги и неуверенности, отсутствие временной перспективы как реакции на неопределенность и транзитивность (Бауман, 2005; Дружилов, 2015; Сеннет, 2004; Стэндинг, 2014).

Другой стороной дискурса является понимание прекарности как латентной субъектности с ее интенциональностью и активностью. Здесь мы можем выделить два аспекта или два уровня субъектности – групповой и индивидуальной. Это 1) общая социальная прекарность как источник протестной активности и массовых выступлений (Батлер, 2018; Дружилов, 2015; Стэндинг, 2014; Хорошилов, 2018) и 2) личностная прекарность как ресурс совладания с неопределенностью, изменчивостью и уязвимостью (Гусельцев, 2020).

Согласно Батлер, в прекарности заложена возможность и способность к коллективному политическому действию, именно прекарность стоит за феноменом массовых выступлений, объединяющих разных людей вне зависимости от их социальной, этнической, расовой, религиозной или гендерной принадлежности. В этой латентной возможности, по мысли Стэндинга, и состоит латентная опасность прекариата (Стэндинг, 2014). Здесь прекарность наделяется энергетической функцией и маркером протестной активности прекариата, готовой принять/ или принимающей открытые формы коллективного гражданского сопротивления, которое выводит тысячи протестующих на улицы и площади городов по всему миру. Батлер подчеркивает, что прекариат не обладает идентичностью и политической субъектностью: субъектом становится само «собрание» (assembly) – массовые митинги и демонстрации (Симакова, 2018).

Необходимым условием возникновения такой субъектности являются коллективные переживания прекарности. Эти коллективные переживания уязвимости и хрупкости в сложившейся социально – экономической и политической структуре общества становятся и идентификационным маркером протестного сообщества, и предиктором личного участия в массовых протестах (Хорошилов, Ильжер, 2019). Таким образом, прекарность как уязвимость, неопределенность и хрупкость оказывается результатом фрустрации/ прекаризации в широком социальном контексте и одновременно способствует развитию пассионарности, когда уязвимость и незащищенность из слабости трансформируются в реальную силу, способную изменить существующий порядок вещей. Так события 11 сентября 2001 года, по мнению Батлер, показали, как траур и

насилие стали источником солидарности и поиска глобальной справедливости (Butler, 2004). Подобную трансформацию можно наблюдать в современной России. Пандемия COVID-19 послужила мощным триггером развития существующего в стране политического и социально-экономического кризиса. Данные социальных опросов фиксируют усиление процессов прекаризации всех сфер жизни российских граждан в ситуации коронакризиса и режима самоизоляции, рост напряженности и высокий уровень прекарности (ВЦИОМ, 2020). Опасность этой общей социальной прекарности в том, что канализация фрустрированной энергии может быть направлена как на дальнейшую демократизацию существующего порядка, так и проявляться в различных формах радикализации.

Мы уже говорили, что из сферы описания и исследования трудовых отношений «прекарность» распространяется на всю повседневную жизнь современного человека, которая характеризуется нестабильностью, непредсказуемостью и неустойчивостью. В этом контексте понятие «прекарность» связано с понятием «транзитивность» (Марцинковская, 2016, 2017), особенно с такими ее составляющими, как неопределенность и изменчивость. Как эмоциональная реакция на ситуацию транзитивности прекарность проявляется в эмоциональной нестабильности, тревожности и чувстве неуверенности в будущем, а также в сужении горизонта планирования.

На уровне личности понимание прекарности как результата прекаризации и фрустрации личностного пространства базируется на положении Т.Д. Марцинковской о двух уровнях детерминации развития личности (Марцинковская, 2017). Первый уровень связан с адаптивными формами поведения, активизирующими синергетический потенциал человека. Это та гибкость, заложником которой становится человек, выбирая прекарность как адаптивную стратегию в ответ на вызовы транзитивной повседневности, флексибильности и транзитивности современного мира. Второй уровень детерминации, опосредованный культурой, открывает возможности индивидуализации личностного пространства как ресурса формирования экзистосферы, а также становится источником формирования субъектности. Такой подход Т.Д. Марцинковской – о двух уровнях детерминации – созвучен концепции Н.В. Гришиной о трех контекстах существования человека (Гришина, 2017; Психология личности, 2019). Таким образом, второй уровень детерминации позволяет рассматривать личностную прекарность в оптике развития (Гусельцева, 2019). Постоянство нестабильности, непрерывность изменений как атрибуты транзитивной повседневности становятся константой образа жизни, когда личностное пространство трансформируется в пространство ответственности, свободы, креативности и развития (Гусельцев, 2020). Индивидуальные

переживания прекарности лежат в основе индивидуализации повседневности – конструирования повседневности как индивидуального стиля жизни, а также формирования субъектности (энергия активности и интенциональность) как авторства индивидуальных стратегий жизнестроительства и жизнетворчества.

Эмпирическое исследование прекарности современных студентов

Целью нашего исследования было изучение прекарности студентов и ее влияния на формирование идентичности путем выявления основных факторов прекаризации на этапе приобретения первичного трудового опыта, а также исследование прекаризации основных сфер повседневной жизни.

Выборка: всего в исследовании приняли участие 127 респондентов. Первая группа включала 92 человека в возрасте от 18 до 48 лет (средний возраст 22 года) – студенты первого курса очно-заочного отделения и получающие второе высшее образование на втором курсе института психологии. Среди участников исследования было 15 мужчин (16%) и 77 женщин (84%). Вторую группу составили 35 человек в возрасте от 18 до 23 лет (средний возраст 20 лет) – студенты второго курса очного отделения института журналистики, 10 юношей (29%) и 25 девушек (71%).

Для проведения эмпирической части исследования нами был разработан опросник, включающий четыре блока вопросов. Первый блок вопросов был посвящен выявлению имеющегося опыта работы и его особенностей. Во втором блоке респондентам предлагалось ответить на вопросы, позволяющие раскрыть особенности профессиональной идентификации. Третья часть опросника затрагивала притязания в сфере профессиональной реализации. Заключительная часть опросника давала возможность составить представление об удовлетворенности/неудовлетворенности респондентов различными жизненными сферами во временной перспективе.

Результаты

Результаты ответов на первую группу вопросов (относительно опыта работы и его особенностей) показали, что в группе студентов-психологов 25% участников исследования никогда не работали. Таким образом, учитывались лишь ответы 75% респондентов (69 человек), имевших опыт трудовых отношений или работавших на момент проведения опроса (табл. 1). На вопрос, были ли у респондентов опыт работы без официального трудоустройства или с оформлением трудовых отношений с работодателем на срок менее года, 46,4% участников исследования ответили, что имели

такой опыт, а 53,6%, что нет. Работали в сфере, не связанной напрямую с получаемым образованием, 56,5% респондентов, а в поле профильного образования или в близкой сфере – 43,5% участников исследования. Постоянно приходится (приходилось) перерабатывать более 8 часов в неделю 43,5% респондентов, работают (работали) в установленное время 56,5% опрошенных студентов. Приходится или приходилось подрабатывать в своей или сторонней организации 42% респондентов; не имели подобной практики 58% участников исследования. Получали или получают зарплату «в конверте» 39% студентов, в отличие от 61% респондентов, получающих официальную заработную плату, с которой производятся налоговые и страховые отчисления. Приходилось менять работу более одного раза за последние три года 40,6% респондентов, обладают же опытом более стабильного трудоустройства 59,4% участников исследования. Не принимают участие в решении важных вопросов на своей работе 47,8% участников опроса в противовес 52,2% респондентов, которые считают, что их мнение учитывается при принятии ключевых решений.

В группе опрошенных студентов-журналистов 17% не работало (6 человек), 83% (29 человек) работает или имеет трудовой опыт. Есть опыт работы или работают без официального трудоустройства или с оформлением трудовых отношений с работодателем на срок менее года 55 % студентов, работали только официально и на одном месте сроком более одного года 44,83% участников исследования. В сфере, не связанной напрямую с получаемым образованием, работает или работало 62% студентов-журналистов, а в поле профильного образования или в близкой сфере работает 38% участников опроса. Только 45% респондентов постоянно приходится (приходилось) перерабатывать более 8 часов в неделю, в установленное время работает или работало 55% участников исследования. Имели потребность подрабатывать или дополнительно работают в своей или сторонней организации 45% студентов, не подрабатывали 55% участников опроса. Сталкивался с неофициальной выплатой заработной платы 41% участников исследования в противовес 59% респондентов, получающих выплаты с налоговыми отчислениями. Приходилось менять работу более одного раза за последние три года 38% студентов-журналистов, имеют более долговременный и стабильный опыт работы 62% участников исследования. Не влияют на принятие ключевых решений на своей работе 62% респондентов против 38% участников исследования, которые считают, что их точка зрения влияет на важные решения на работе.

Таблица 1. Опыт работы и его особенности у студентов-психологов и студентов-журналистов

Вопросы	Да	Нет	Респонденты
Вы работаете (работали) без официального оформления трудового договора или с договором не более чем на один год	46,4%	53,6%	Студенты-психологи
	55%	45%	Студенты-журналисты
Ваша работа полностью не соответствует (не соответствовала) получаемому образованию	56,5%	43,5%	Студенты-психологи
	62%	38%	Студенты-журналисты
Вам постоянно приходится (приходилось) перерабатывать (более 8 часов в неделю)	43,5%	56,5%	Студенты-психологи
	45%	55%	Студенты-журналисты
Вы подрабатываете (подрабатывали) дополнительно в своей или сторонней организации	42%	58%	Студенты-психологи
	45%	55%	Студенты-журналисты
Вам выплачивают (выплачивали) зарплату «в конверте» (без уплаты налогов и страховых взносов)	39%	61%	Студенты-психологи
	41%	58,6%	Студенты-журналисты
Вам приходилось менять работу за последние три года более одного раза	40,6%	59,4%	Студенты-психологи
	38%	62%	Студенты-журналисты
Вы не можете (не могли) влиять на важные решения на своей работе	47,8%	52,2%	Студенты-психологи
	62%	38%	Студенты-журналисты

Второй блок исследования особенностей профессиональной идентификации студентов в группе психологов (табл. 2), показал, что нравится будущая профессия 91,3% участников исследования, высказали сомнение в склонности к выбранной профессии 8,7% студентов, и никто не назвал получаемую профессию непривлекательной. На вопрос о том, планируют ли они продолжить образование в выбранной сфере, утвердительно ответили 76% участников исследования, высказали сомнение 21,8%, и ответили

отрицательно 2,2% респондентов. Считают, что их отношение к выбранной профессии лучше, чем у сокурсников, 5,4% респондентов, сомневаются 72,8%, и так не считают 21,8% студентов, принявших участие в исследовании. Воспользовались бы возможностью поменять профессию 9,8% участников исследования, не знали, как бы поступили, 19,6%, и отказались бы от такой возможности 70,6% опрошенных студентов. Планируют в будущем работать по выбранной профессии 72,8% участников исследования, не знают, как в дальнейшем сложится их профессиональная деятельность, 21,8% студентов, и не планируют работать в профессии 5,4% респондентов. Получают дополнительное образование и занимаются самообразованием в выбранной специальности 85,9% опрошенных студентов, не знают, считать ли получаемые знания выходящими за рамки программы обучения, 4,3%, и отрицательно ответили на этот вопрос 9,8% участников исследования. Высказали сомнение в верности выбранной профессии 9,8% респондентов, не знают ответ на этот вопрос 16,3% участников исследования, и удовлетворены своим выбором профессии 73,9% студентов, принявших участие в исследовании.

В группе респондентов, получающих образование в сфере журналистики, на вопрос, нравится ли им будущая профессия, утвердительно ответили 88,57% участников исследования, не знали, что ответить, 11,43% студентов, и ни один человек не сказал, что ему не нравится профессия журналиста. Планируют продолжить образование в выбранной сфере после окончания текущего образования 71,43% опрошенных студентов, не знают, как сложится их дальнейшая профессионализация, 28,57%, и никто полностью не отказался от получения образования в будущем. На вопрос о том, считают ли участники исследования свое отношение к профессии лучшим, чем у других сокурсников, положительный ответ дали 5,72% студентов, 74,28% высказали сомнение, и 20% не считают, что лучше относятся к выбранной профессии, нежели их одногруппники. Воспользовались бы предоставленной возможностью поменять профессию 8,57% участников опроса, сомневаются 22,86% студентов, и отказались бы от смены профессии 68,57% респондентов. Планируют в будущем работать по выбранной профессии 65,72% респондентов, не знают, где хотели бы работать в будущем журналистами, 28,57% участников исследования, и 5,71% предполагают, что будут работать в другой сфере. Прикладывают усилия для получения дополнительных знаний по своей профессии 85,71% опрошенных студентов, 5,72% респондентов не считают, что получают знания, превышающие объем учебной программы, и 8,57% участников исследования не считают необходимым получать дополнительные знания в рамках приобретаемого образования. Сомневаются в правильности выбора

будущей профессии 11,43% опрошенных студентов, 8,57% молодежи не знают ответа на этот вопрос, и 80% участников исследования считают правильным выбор будущей профессии.

Таблица 2. Профессиональная идентификация и отношение к будущей профессии у студентов-психологов и студентов-журналистов

Вопросы	Да	Не знаю	Нет	Респонденты
Мне нравится моя будущая профессия	91,3%	8,7%	0%	Студенты-психологи
	88,57%	11,43%	0%	Студенты-журналисты
После окончания текущего обучения планирую продолжить образование в выбранной сфере	76%	21,8%	2,2%	Студенты-психологи
	71,43%	28,57%	0%	Студенты-журналисты
Мое отношение к профессии лучше, чем у других сокурсников	5,4%	72,8%	21,8%	Студенты-психологи
	5,72%	74,28%	20%	Студенты-журналисты
Если бы мне представилась возможность поменять профессию, я бы ею воспользовался	9,8%	19,6%	70,6%	Студенты-психологи
	8,57%	22,86%	68,57%	Студенты-журналисты
Я планирую в будущем работать по выбранной профессии	72,8%	21,8%	5,4%	Студенты-психологи
	65,72%	28,57%	5,71%	Студенты-журналисты
Я стараюсь получить дополнительные знания по своей профессии	85,9%	4,3%	9,8%	Студенты-психологи
	85,71%	5,72%	8,57%	Студенты-журналисты
Я сомневаюсь, что выбрал будущую профессию верно	9,8%	16,3%	73,9%	Студенты-психологи
	11,43%	8,57%	80%	Студенты-журналисты

Мы предприняли попытку исследования притязаний в сфере профессиональной реализации, для чего участникам исследования было предложено выбрать один из трех вариантов, описывающих карьерные достижения и связанные с ними привилегии и ограничения.

Разрабатывая описания профессиональных групп, мы опирались на классификацию, предложенную Г. Стэндингом, которая наиболее полно отражает социальную стратификацию современного общества (Стэндинг, 2014, с. 21–23). При этом респондентам предлагалось выбрать ответы из двух вариантов – в ситуации желаемого и предполагаемого развития их будущей карьеры (табл. 3).

В группе студентов-психологов в варианте желаемого или «идеального» развития их карьеры 51,1% респондентов озвучили, что хотели бы оказаться в числе «Востребованных работников со стабильной занятостью». Вторым по популярности была группа «Представителей высшего профессионального слоя», что составило 41,3% ответов респондентов. Меньше всего будущие психологи хотели бы оказаться в числе «Представителей свободной, но социально незащищенной группы». Что касается варианта вероятного или «реального» профессионального устройства, то студенты-психологи в большинстве своем считают, что пополняют ряды «Востребованных работников со стабильной занятостью» – 61,9% ответов участников опроса. Второе место занял выбор студентов – «Представители свободной, но социально незащищенной группы» – 27,2% респондентов. На третьем месте оказались «Представители высшего профессионального слоя» – 10,9% участников исследования. Таким образом, очевидно, что среди студентов-психологов существует разрыв между *притязаниями* в сфере профессиональной реализации и *представлениями* о будущей профессиональной реализации.

В группе студентов-журналистов в предложенном выборе между желаемой или «идеальной» карьерной реализацией 45,72% респондентов хотели бы оказаться в числе «Представителей высшего профессионального слоя». На втором месте категория «Востребованных работников со стабильной занятостью» – 37,14% выборов участников исследования. Замыкает рейтинг страта «Представители свободной, но социально незащищенной группы» с 17,14% голосов. На вопрос о вариантах развития их «реальной» профессиональной карьеры большинство студентов-журналистов ответили, что хотели бы пополнить ряды «Востребованных работников со стабильной занятостью» – 65,72% респондентов. Второе место заняла группа «Представителей свободной, но социально незащищенной группы» – 22,85% голосов. На третьем месте с 11,43% ответов респонденты, пожелавшие быть в числе «Представителей высшего профессионального слоя».

Таким образом, среди студентов-психологов преобладают желания получить стабильную, хорошо оплачиваемую работу, но без стремления к занятию высоких постов и руководящих должностей, с одной стороны; с другой стороны, вероятно, оценивая реальные шансы и социально-экономическую ситуацию, большинство респондентов

данной выборки предполагают, что смогут получить подобного рода работу, однако в отличие от «идеального» развития карьеры, треть выборки считает, что сможет стать «Представителями свободной, но социально незащищенной группы». Что касается группы студентов-журналистов, то у них в «идеальном» описании трудоустройства преобладают амбициозные желания примкнуть к «Представителям высшего профессионального слоя». В описаниях «реального» развития их карьерной реализации большая часть выборки считает, что сможет занять нишу «Востребованных работников со стабильной занятостью ввиду своих ценных знаний». И так же, как среди студентов-психологов, второй в рейтинге предполагаемого развития профессиональной реализации оказывается группа «Представителей свободной, но социально незащищенной группы».

Таблица 3. Притязания в сфере профессиональной реализации у студентов-психологов и студентов-журналистов

С началом трудовой деятельности я хотел бы оказаться среди			Вероятно, мне удастся примкнуть на трудовом поприще к группе	
41,3%	45,72%	Представителей высшего профессионального слоя, имеющих стабильную полную высокооплачиваемую занятость (руководители корпораций, государственных учреждений, госслужащие высокого ранга)	10,9%	11,43%
51,1%	37,14%	Востребованных работников со стабильной занятостью ввиду своих ценных знаний, навыков и опыта, имеющих длительный контракт с работодателем	61,9%	65,72%
7,6%	17,14%	Представителей свободной, но социально незащищенной группы, не имеющих стабильной занятости, социальных гарантий и страховок	27,2%	22,85%

Студенты-психологи	Студенты-журналисты		Студенты-психологи	Студенты-журналисты
--------------------	---------------------	--	--------------------	---------------------

Четвертый блок вопросов, заданных участникам исследования, касался оценки удовлетворенности/неудовлетворенности различными жизненными сферами во временной перспективе. Респондентам предлагалось выставить оценку по десятибалльной шкале (10 баллов – полностью удовлетворен, 0 баллов – полностью не удовлетворен) экономической, социальной, культурной сторонам их жизни и экологии в их жизни в настоящее время и в будущем. С помощью подсчета среднearифметического значения удалось получить показатели удовлетворенности/неудовлетворенности этими областями (табл. 4).

Экономическую сферу, которая включает производство и потребление материальных благ, возможности трудоустройства и перспективы, оплаты труда и т.д. в настоящем времени, студенты-психологи в среднем оценили в 5,62 балла, а в будущем – 7,27. Развитие социальной сферы, включающей систему здравоохранения, стипендии, материальные пособия, пенсии и т.д. в настоящем, респонденты оценили в 5,17 баллов, а в будущем показатель удовлетворенности, по их мнению, будет немного выше и составит 6,35 балла. Развитие культуры, по мнению будущих психологов, в настоящее время составляет 6,89 баллов, а в будущем возрастет до 8,02 баллов. Что касается оценки удовлетворенности окружающей экологической обстановкой, то в настоящее время ее состояние получило 3,83 балла, а в будущем, по мнению студентов-психологов, ситуация с экологией улучшится почти в два раза и будет достигать 5,71 балла. Таким образом, если ранжировать полученные баллы в оцениваемых сферах жизни, то в настоящее время студенты-психологи меньше всего довольны экологической обстановкой, далее по мере возрастания удовлетворенности участников исследования следуют социальная, экономическая и культурные сферы. Что касается будущего, то распределение сфер по степени удовлетворенности (от наиболее уязвимой к более стабильной) совпадает с показателями настоящего, однако стоит отметить оптимистичный настрой респондентов, согласно которому в будущем ситуация во всех сферах будет иметь тенденцию к улучшению, по сравнению с предшествующим периодом, что подтверждается возрастающими балами оценок будущего.

В группе студентов-журналистов в настоящее время экономическая сфера оценивается в 5,31 балла, а в будущем – в 6,8. Социальная сфера в настоящее время получила 5,25 баллов, в перспективе оценивается в 6,05 баллов. Сфера культуры в настоящем среди будущих журналистов

получила 6,94 балла, в перспективе – 7,71 балла. И замыкает список рейтинга удовлетворенности экологическая обстановка, которая оценивается в настоящее время в 3,85 баллов, а в будущем достигнет 5,51 балла. Что касается рейтинга, то, как и у студентов-психологов, у студентов-журналистов получились сходные с ними результаты оценки удовлетворенности жизненными сферами как в настоящем, так и в будущем. Обращает на себя внимание лишь тот факт, что у будущих психологов и журналистов в оценке настоящего баллы сопоставимы, однако в будущем у группы психологов по всем сферам баллы немного выше, чем у журналистов. Полученные различия сложно интерпретировать: они могут иметь в основе как личностные особенности респондентов, так и особенности профессиональных установок – располагающей и принимающей у психологов, провокативной и подвергающей проверке у журналистов.

Таблица 4. Удовлетворенность/неудовлетворенность различными жизненными сферами у студентов-психологов и студентов-журналистов

10 баллов – полностью удовлетворен, 0 баллов – полностью не удовлетворен	В настоящее время		В будущем	
	Экономическая (производство и потребление материальных благ, возможности трудоустройства и перспективы, и оплаты труда и т.д.)	5,62	5,31	7,27
Социальная (здравоохранение, стипендии, материальные пособия, пенсии и т.д.)	5,17	5,25	6,35	6,05
Культурная жизнь (производство и потребление нематериальных ценностей в сфере искусства и науки)	6,89	6,94	8,02	7,71

Экология (текущая ситуация и перспективы влияния человека на окружающую среду — загрязнение атмосферы, океана, почвы и т.д.)	3,83	3,85	5,71	5,51
	Студенты-психологи	Студенты-журналисты	Студенты-психологи	Студенты-журналисты

Интерпретация полученных результатов

Результаты по нашей выборке показали достаточно высокий процент наличия основных признаков прекарности в сфере трудовых отношений у студентов, совмещающих учебу и работу (Шевченко, Шевченко, 2019). Наибольшей выраженностью у студентов-психологов обладают такие признаки прекарности, как несоответствие работы получаемому образованию (56,5%), невозможность влиять на важные решения в своей организации (47,8%), отсутствие трудового договора с работодателем или временный договор не более 1 года (46,4%). На формирование прекарности студентов-журналистов в большей степени оказывают влияние такие факторы, как невозможность влияния на важные решения в своей организации и несоответствие работы получаемому образованию (62%), отсутствие официального оформления трудового договора или оформление по договору временной занятости.

Полученные данные позволяют говорить о представленности и значимости профессиональной принадлежности в структуре социокультурной идентичности как студентов-психологов, так и студентов-журналистов. Ответы респондентов свидетельствуют о положительном эмоциональном отношении к выбранной специальности, об уверенности в правильности своего профессионального выбора, желании продолжать в будущем обучение по выбранной специальности и повышать свою профессиональную квалификацию. Большинство респондентов планирует работать по выбранной специальности после окончания обучения. Следует отметить, что студенты-журналисты более подвержены сомнениям в правильности своего выбора, дальнейшего трудоустройства в выбранной сфере деятельности и не исключают возможности смены профессиональной деятельности. Возможно, это связано с тем, что профессия журналиста изначально прекарна – относится к творческим и свободным профессиям.

Наибольший интерес представляют полученные по выборке результаты, связанные с будущим образом своей трудовой деятельности.

Выявленный разрыв в притязаниях и представлениях студентов в сфере профессиональной реализации, а также имеющийся у них опыт трудовой деятельности, не связанный с получаемым образованием, и возможные намерения смены сферы профессиональной деятельности могут являться распространенной чертой прекарности молодежи, получившей название статусного диссонанса, или феномена статусной фрустрации. Переживания статусного диссонанса (статусной фрустрации) вызываются противоречиями между притязаниями на трудоустройство и ожиданиями рабочего места, адекватного полученному образованию и приобретенным компетенциям, и требованиями реальности такими, как необходимость зарабатывать и наличие вакансий на рынке труда. Таким образом, молодежь с высшим образованием часто вынуждена соглашаться на работу, которая по статусу или уровню оплаты труда ниже той, на что они могли бы рассчитывать, исходя из уровня своего образования и квалификации (Стэндинг, 2014). Прекарность современной молодежи связана и с таким феноменом, как *over-education*, или «избыточное образование». Выявленная обратная корреляция между уровнем образования и возможностью трудоустройства подтверждается тем, что пик безработицы приходится на молодых людей в возрасте 20–24 лет и имеющих высшее образование (Голнусова, Иващенко, 2014).

Обращает на себя внимание и тот факт, что второе место в рейтинге предполагаемого трудоустройства как студентов-психологов, так и будущих журналистов занимает возможность стать представителем свободной, но социально незащищенной группы. Выбор такой стратегии трудоустройства и построения профессиональной карьеры мы связываем с возможной ориентацией студентов на ценности свободы и творческой самореализации в профессиональной деятельности.

В оценке удовлетворенности различными сферами жизнедеятельности человека экология получила наименьший балл и у психологов, и у журналистов как в настоящем, так и в будущем. Вероятно, это следствие получившего популярность в среде молодых людей движения экологических активистов и защитников окружающей среды и, в частности, широкомасштабного освещения в СМИ акций, например, юной Греты Тунберг. Что касается высокой оценки развития культурной жизни, то, действительно, искусство стало более доступно благодаря повсеместному распространению информационных технологий и оцифровке, возможности познакомиться с мировыми шедеврами и самыми актуальными культурными событиями. Современный мир открыл широкие перспективы для самообразования и стер пространственно-временные границы, обеспечив доступ к цифровым копиям. Безусловно, невозможно «в цифре» получить тот же опыт познания и

те же впечатления, как при посещении музея или просмотре фильма в кинотеатре, но, с другой стороны, развитие цифровых технологий и Интернета предоставляет возможность приобрести некие знания и представления, преодолев ряд ограничений и барьеров, подчас неизбежных по объективным причинам. Это напоминает ситуацию с едой: есть фастфуд, но есть и здоровое питание, есть элитарное искусство, а есть массовое. Так и в наши дни появился новый уникальный опыт познания и «присутствия», опосредованного информационными технологиями и цифровыми устройствами. Кроме того, следует подчеркнуть значимость культуры, которая становится для человека важным стабилизирующим фактором, способствующим поддержанию целостности идентичности в современном транзитивном мире.

Важно отметить, что результаты выборки показали наличие позитивных оптимистичных установок студентов психологов и журналистов в отношении своего будущего как в профессиональной сфере, так и в других сферах повседневной жизни.

Заключение

Молодежь и студенчество традиционно рассматриваются как группа риска прекаризации. Факторы прекаризации, которым подвергаются студенты в связи с началом трудовой деятельности и приобретением опыта работы, подтверждают возможность формирования прекарности. Прекаризация молодежи на этапе приобретения первичного опыта трудоустройства не всегда однозначно связана с переживаниями нестабильности, уязвимости и незащищенности, с угрозами нарушения целостности идентичности, атомизацией личности и другими негативными коннотациями понятия прекарности. Студенческая молодежь склонна воспринимать транзитивность как неотъемлемую характеристику современности и постоянный атрибут своей повседневности. Результаты исследования по нашей выборке показывают значимость профессиональной принадлежности для большинства студентов и ее представленность в структуре их социокультурной идентичности, позитивное эмоциональное отношение к выбранной профессии, планирование в будущем продолжить обучение и повышать профессиональную квалификацию, а также наличие позитивного и оптимистичного образа будущего, связанного как с профессиональной реализацией в выбранной сфере, так и с другими основными сферами повседневности. Это позволяет предполагать, что на личностном уровне прекарность как переживание транзитивности у современной молодежи в большей степени связана с процессами индивидуализации, т.е. с выбором индивидуальных стратегий формирования идентичности,

формированием субъектности как авторства конструирования и реализации индивидуальной траектории жизненного пути, формированием индивидуального стиля жизни и индивидуальных стратегий жизнотворчества.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №20-013-00075\20 «Человек в повседневности: психологическая феноменология и закономерности».

Литература

Батлер, Дж. [Butler J.] Заметки к перформативной теории собрания. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.

Бауман, З. [Bauman Z.] Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.

Бек, У. [Beck U.] Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Бек, У. [Beck U.] Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001.

Голенкова, З.Т., Голнусова, Ю.В. Новые социальные группы в современных страфикационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 5–15.

Голнусова, Ю.В., Иващенко, Н.В. Избыточное образование в России: социально-экономические последствия // Теория и практика общественного развития. 2014. № 18. С. 25–31.

Гришина, Н.В. Поведение в повседневности: жизненный стиль, повседневная креативность и «жизнотворчество» // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 56. С. 2. URL: <http://psystudy.ru/index.php/nim/2017v10n56/1505-grishina56.html> (дата обращения: 09.06.2020).

Гусельцев, Н.С. Занятость личности в современном трансформирующемся обществе // Вестник РГТУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 2. С. 133–150.

Гусельцева, М.С. Психология повседневности в свете методологии латентных изменений. М.: Акрополь, 2019.

Дружилов, С.А. Прекариат и неформальная трудовая занятость в России: социально-психологические аспекты // Гуманитарные научные исследования. 2015. №1. Ч. 2. URL: <http://human.snauka.ru/2015/01/9491> (дата обращения: 29.05.2020).

Кастель, Р. [Castel R.] Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. СПб.: Алетейя, 2009.

Кейнс, Дж. М. [Keynes J.] Общая теория занятости // Истоки. 1998. № 3. С. 280–292.

Кученкова, А.В. Вторичная занятость в контексте процессов прекаризации на российском рынке труда // Социологические исследования. 2019. Том 45. № 9. С. 73–83.

Марцинковская, Т.Д. Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа. М.: Смысл, 2016.

Марцинковская, Т.Д. Психология повседневности: оксюморон или новый тренд психологии // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 56. С. 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n56/1497-martsinkovskaya56.html> (дата обращения: 27.05.2020).

Норт, Д. [North D.] Понимание процесса экономических изменений. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010.

Психология личности: Пребывание в изменении / под ред. Н. В. Гришиной. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2019.

Розманский, И.В. Посткейнсианцы и Дуглас Норт о неопределенности и институтах: пропущенная связь // Журнал институциональных исследований. 2016. Т.8. № 3. С.35–45.

Сеннет, Р. [Sennett R.] Коррозия характера. Москва–Новосибирск: Фонд социо-прогностических исследований «Тренд», 2004.

Симакова, М.А. Альянсы хрупких тел, или Политика уязвимых жизней. Рецензия на книгу: Батлер Дж. Заметки к перформативной теории собрания. Перевод Д. Кралечкина под ред. А. Кондакова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017 // Социология власти. 2018. Т. 30. № 1. С. 215–226.

Стэндинг, Г. [Standing G.] Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

Уровень тревожности и страхи россиян. Результаты экспертной онлайн-панели по общероссийскому опросу ВЦИОМ (5волна) // Выпуск №2. 2020. URL: <https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&url=http://club-rf.ru/images/files/5eb3e657197b2.pdf&ved=2ahUKEwie3YyTyPvsAhVhsYsKHXstCwMQFjAAegQIAhAB&usq=AOvVaw3A7SVwsx8KBSotkiu1UATR> (дата обращения: 28.05.2020).

Фёдорова, А.Э., Парсюкевич, А.М. Прекаризация занятости и ее влияние на социально-экономическое благополучие наемных работников // Известия УрГЭУ. 2013. № 5 (49). С. 76–81.

Харченко, В.С. Совмещение работы и учебы в вузе: новые практики или новые смыслы? // Вопросы образования. 2013а. № 3. С. 92–104.

Харченко, В.С. Фриланс как стиль жизни в современном российском обществе. Дисс. ... канд. социол. наук. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, 2013б.

Хорошилов, Д.А. Коллективные переживания прекарности в современной культуре (памяти Т.Г. Стефаненко) // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 58. С. 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/nim/2018v11n58/1548-khoroshilov58.html> (дата обращения: 28.05.2020).

Хорошилов, Д.А., Ильжер, Е.А. Коллективные переживания прекарности и гражданские движения // Национальный психологический журнал. 2019. № 2(34). С. 48–54.

Шевченко, И.О., Шевченко, П.В. Гендерные особенности прекарности // Социологические исследования. 2019. № 9. С.84–95.

Bourdieu, P. Counterfire: Against the Tyranny of the Market. London: VersoBooks, 2003.

Butler, J. Precarious Life. The Powers of Mourning and Violence. London; New York: Verso, 2004.

Сведения об авторах

Наталья С. Полева, кандидат психологических наук, Психологический институт РАО, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; npoleva@mail.ru

Анна Н. Аянян, магистр психологии, Психологический институт РАО, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Мнусская пл., 6; parhomenkoanna86@mail.ru

Poleva N.S., Ayanyan A.N.

Transitivity as a factor in the precarization of everyday life

Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia

The results of theoretical and empirical research of precarity and precarization are presented. Various discussions and principal approaches to the interpretation of terms “precarity” and “precarization” are analyzed. Precarity is considered not only in the context of work and socio-economic relations, but also in an extended existential sense as a personal experience/state of uncertainty and unpredictability of the future. Everyday life of a modern person in a transitive world is associated not only with social and economic instability, physical and mental vulnerability, but also with collective and individual experiences of precarity as a chronic generalized anxiety. The article presents the results of an empirical study of students’ precarity, meant to identify the main factors of precarization in social and work relations and in various spheres of students’ daily life. To conduct an empirical study of students’ precarity, the au-

thors developed special methods, aimed at identifying various aspects of work experience, features of professional identification, professional ambition, and students' satisfaction/dissatisfaction with various spheres of their lives. Youth and students are traditionally regarded as a potentially precarized social group or as a group at risk for precarity. The study revealed the predominant factors of precarization in social and work relations among students: the discrepancy between work and education, the inability to influence important decisions in their organization, and the lack of employment contract with the employer. The obtained data allow us to speak about the representation and significance of professional affiliation in the structure of students' socio-cultural identity. In ranking the degree of satisfaction with various areas of daily life, students rank culture the highest. Students are concerned and experience precarity about the environmental sphere. It is shown that individual experiences of precarity form the basis for the individualization of everyday life: construction of everyday life as an individual lifestyle, as well as the formation of subjectivity as the authorship of individual strategies of life-construction and life-creation.

Key words: precarity, precarization, students, youth, everyday life, transitivity.

For citation: Poleva, N.S., Ayanyan, A.N. (2021), "Transitivity as a factor in the precarization of everyday life", *New Psychological Research*, no 1, pp. 29–53, DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_01_02

Acknowledgment

Research grant №20-013-00075\20 «Person in everyday life: psychological phenomenology and determinates» of Russian Foundation of Basic Research.

References

- Butler, J. (2018). *Notes on the performative theory of Assembly*. Moscow: Ad Marginem Press.
- Bauman, Z. (2005). *Individualized society*. Moscow: Logos.
- Bek, U. (2000). *Risk society. On the way to another modern*. Moscow: Progress-Traditsiya.
- Bek, U. (2001). *What is globalization?* Moscow: Progress-Traditsiya.
- Bourdieu, P. (2003). *Counterfire: Against the Tyranny of the Market*. London: VersoBooks.
- Butler, J. (2004). *Precarious Life. The Powers of Mourning and Violence*. London; New York: Verso.
- Castel, R. (2009). *Metamorphoses of the social question. Chronicle of hired labor*. St. Petersburg: Aleteiya.
- Druzhilov, S. A. (2015). Precariat and informal employment in Russia: socio-psychological aspects. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*, 1, 2. Retrieved from <http://human.snauka.ru/2015/01/9491>

Fedorova, A. E., Parsyukevich, A. M. (2013). Precarization of employment and its impact on the socio-economic well-being of employees. *Izvestiya UrGEU*, 5(49), 76–81.

Golenkova, Z., Goliusova, Yu. V. (2013). New social groups in modern stratification systems of global society. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, 3, 5–15.

Goliusova, Yu. V., Ivashchenkova, N. V. (2014). Excessive education in Russia: socio-economic consequences. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 18, 25–31.

Grishina, N. V. (2017). Behavior in everyday life: lifestyle, everyday creativity and “life creation». *Psikhologicheskie issledovaniya*, 10(56), 2. Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n56/1505-grishina56.html>

Grishina, N. V. (2019). *Personality psychology: Staying in change*. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.

Guseltsev, N. S. (2020). The employment of the individual in contemporary transforming society. *Vestnik RGGU. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie»*, 2, 133–150.

Guseltseva, M. S. (2019). *Psychology of everyday life in the light of the methodology of latent changes*. Moscow: Akropol'.

Keynes, J. (1998). The General theory of employment. *Istoki*, 3, 280–292.

Kharchenko, V. S. (2013a). The combination of work and study in universities: new practices or new meanings? *Voprosy obrazovaniya*, 3, 92–104.

Kharchenko, V. S. (2013b). Freelancing as a lifestyle in modern Russian society (Doctoral dissertation). *Ural'skii federal'nyi universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'tsina*.

Khoroshilov, D. A. (2018). Collective experiences of precarity in modern culture (in memory of T. G. Stefanenko). *Psikhologicheskie issledovaniya*, 11(58), 1. Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n58/1548-khoroshilov58.html>

Khoroshilov, D. A., Il'zher, E. A. (2019). Collective experiences precarity and civil movements. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, 2(34), 48–54.

Kuchenkova, A. V. (2019). Secondary employment in the context of precarization processes in the Russian labor market. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 9(45), 73–83.

Martsinkovskaya, T. D. (2016). *Culture and subculture in the space of the psychological chronotope*. Moscow: Smysl.

Martsinkovskaya, T. D. (2017). Psychology of everyday life: oxymoron or a new trend in psychology. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 10(56), 1. Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n56/1497-martsinkovskaya56.html>

Nort, D. (2010). *Understanding the process of economic change*. Moscow: Izdatel'skii dom GU-VShE.

Rozmainskii, I. V. (2016). Post-Keynesians and Douglas North on uncertainty and institutions: the missing link. *Zhurnal institucional'nykh issledovaniy*, 3(8), 35–45.

Sennet, R. (2004). *The corrosion of character*. Moscow–Novosibirsk: Fond sotsio-prognosticheskikh issledovaniy «Trendy».

Shevchenko, I. O., Shevchenko, P. V. (2019). Gender characteristics of precarity. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 9, 84–95.

Simakova, M. A. (2018). Alliances of fragile bodies, or the politics of vulnerable lives. Book review: Butler J. notes on the performative theory of Assembly. Translated By D. Kralechkina, ed. by A. Kondakov, Moscow: Ad Marginem Press, 2017. *Sotsiologiya vlasti*, 1 (30), 215–226.

Standing, G. (2014). *The precariat: the new dangerous class*. Moscow: Ad Marginem Press.

The level of anxiety and fears of Russians. (2020). Results of the expert online panel on the all-Russian survey Russian Public Opinion Research Center. Retrieved from <https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&url=http://club-rf.ru/images/files/5eb3e657197b2.pdf&ved=2ahUKEwie3YyTyPvsAhVhsYsKHXstCwMQFjAAegQIA-hAB&usg=AOvVaw3A7SVwsx8KBSotkiu1UATR>

Information about the authors

Natalia S. Poleva, Ph. D (Psychology), Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia; bld. 9–4, Mokhovaya str., Russia, Moscow, 125009, npoleva@mail.ru

Anna N. Ayanyan, Master (Psychology), Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia; bld. 9–4, Mokhovaya str., Russia, Moscow, 125009; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Square, Moscow, Russia, 125993, parbomenkoanna86@mail.ru